

ПРАВОСЛАВНАЯ
†
ЖИЗНЬ

(ORTHODOX LIFE)

(Приложение къ «Православной Руси»)

ГОДЪ ИЗДАНИЯ 48-й. №3 (555) МАРТЪ 1996

Жизнеописаніє
архієпископа Леонтія
Чилійськаго

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Псаревъ	
Архієпископъ Леонтій Чилійскій	1
Святоотеческое толкованіе	
на Евангеліе отъ Матея (продолженіе)	25

Tel: (315) 858-0940
Fax: (315) 858-0505

Bookstore

Holy Trinity Monastery,
Jordanville, NY 13361

«Письма къ друзьямъ», М.А. Новоселовъ — видный дѣятель Катакомбной Церкви; 354 стр.	\$13.00.
«Очерки по истории Русской Церкви», А.В. Карташевъ, 1254 стр., 2 тома, твердый переплеть	\$26.00.
«Надъ Евангелиемъ», епископъ Михаилъ (Грибановский, †1898 г.), мягк. переплеть, 255 стр.....	\$8.00

На обложкѣ: Епископъ Леонтій въ Германіи, вѣроятно, сразу послѣ окончанія
II міровой войны

ORTHODOX LIFE-R (USPS 412-320, ISSN 0032-6992) is published monthly for \$12.00 per year by
Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY 13361.

Second-class postage paid at Jordanville, NY 13361.

POSTMASTER: Send address change to Holy Trinity Monastery,
P.O. Box 36, Jordanville, NY 13361-0036.

При перепечаткѣ ссылка на «Православную жизнь» обязательна
© Holy Trinity Monastery 1995

Къ 25-лѣтію со дня кончины Архієпископъ Леонтий

Материалы къ жизнеописанію архипастыря

А.В. Псаревъ

«Я былъ противъ всякаго обновленчества, самосвятства, модернизма въ Церкви» (изъ письма архіеп. Леонтия, 1963 г.)

Отъ составителя

Въ настоящемъ году исполняется 25 лѣтъ со дня кончины архієписко-па Леонтия Чилійскаго, однако жизнеописаніе владыки такъ и не составле-но, а тѣ, кто зналъ его, уходять изъ сего дольняго міра. Посему надѣюсь, что эта біографія, составленная человѣкомъ, лично не знавшимъ владыку, быть можетъ, подвигнѣть тѣхъ, кто помнить его, явить міру, подобно свѣтильнику изъ подъ спуда, сбереженную о немъ память.

Становленіе

Владыка Леонтий, въ міру Василій, родил-ся 6 авг. 1904 г.¹ въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ православной семье Константина Константиновича и Анны Николаевны Филиппо-вичъ. Есть предположеніе, что свят. Аѳанасій Брестскій, мученически убіенный католиками въ XVI в., является отдаленнымъ родственни-комъ владыки Леонтия по отцу².

Константий Константиновичъ былъ уроженецъ г. Могилева, гдѣ его родители имѣли свой домъ, а мать Анны Николаевны происходила изъ Чернобыльского уѣзда, Кіевской губерніи, ея родители были обѣдинѣвшіе помѣщики. Когда Василію было 9 лѣтъ, умеръ его дядя, братъ матери, Владіміръ, который былъ глубоко православнымъ человѣкомъ, ведшимъ по-движническій образъ жизни. Это первое дѣтское горе навсегда осталось въ памяти мальчика.

Киевъ, Фундуклеевская улица. 1905 г.
("L'Empire du Dernier Tsar" Editions Astrid)

сское городское училище. Въ тѣ годы у Василія сталъ пробуждаться особый интересъ къ храму Божіему, монастырскимъ службамъ. «Я не зналъ никакихъ игръ со сверстниками. Если меня и водили иногда въ Николаевскій и другіе парки, мнѣ было скучно и тоскливо на душѣ, и я старался избѣгать ихъ, а въ храмѣ себя чувствовалъ необыкновенно радостно и хорошо»³. Тогда же Василій проникся благоговѣніемъ къ святительскому сану. Въ то время въ Кіевѣ служилъ епископъ Никодимъ Чигиринскій, и Василій бытъ счастливъ, если могъ хотя бы издали увидѣть его.

Въ Екатеринославѣ, внимая настоятельной просьбѣ сына, родители отдали его для продолженія образованія въ городское Духовное училище. Желающихъ учиться въ этомъ училищѣ было больше, чѣмъ вакантныхъ мѣсть, поэтому родителямъ посовѣтовали готовить Василія къ поступленію сразу во II-ой классъ. Во время подготовительныхъ занятій со смотрителемъ училища, выяснилось, что у Василія прекрасный голосъ, и его направили къ регенту архіерейского хора. Послѣ испытанія Василій бытъ зачисленъ въ хористы, исполатчикомъ, и ему было положено маленько жалованіе. По милости Божіей Василій обладаль абсолютнымъ слухомъ и особенной музыкальной памятью, его голосъ — высокое сопрано — отмѣчали всѣ, кому доводилось молиться за богослуженіями, совершамыми владыкой Леонтиемъ. Въ 1915 г. Василій бытъ принять во 2-ой классъ Екатеринославскаго духовнаго училища, притомъ на казенный счетъ, ввиду того, что онъ состоять пѣвчимъ архіерейского хора. Вѣроятно, въ Екатеринославѣ Василію впервые довелось увидѣть прибывшаго сюда для участія въ архіерейской хиротонії⁴, архіепископа Таврическаго Димитрія (кн. Абашидзе, † 1943 г.), бывшаго впослѣдствіи до самой своей смерти духовникомъ владыки Леонтия. Здѣсь же онъ познакомился съ архіепископомъ Пахоміемъ Черниговскимъ († 1937 г.), «не мало внесшимъ въ его душу добра и любовь къ нашему великому писателю и удивительному знатоку человѣческой души — Ф.М. Достоевскому»⁵, съ этимъ

Отецъ служиль въ Кіевской контольной палатѣ, на Токаревской улицѣ, и тамъ же находилась квартира, где проживала семья. Въ 1913 г. отецъ получилъ назначеніе по службѣ въ Екатеринославъ, куда перѣехала вся семья.

До перѣѣзда Василій посѣщаль Кіев-

архіереемъ впослѣдствії также много было связано въ жизни владыки Леонтия.

Въ Екатеринославѣ Василій сподобился видѣть св. Царя-мученика Николая — «какая-то необыкновенная пасхальная радость волновала мою душу въ этотъ незабвенный день» — напишетъ владыка Леонтій спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ⁶.

Казалось бы, что въ Екатеринославѣ жизнь, несмотря на войну, шла своимъ заведеннымъ ходомъ, но Россійская имперія была на порогѣ своего крушения — «гроза съ мрачной тучей лихолѣтъя все ближе и ближе на-двигалась на нашу нѣкогда поистинѣ благодатную, великую страну. Впервые смятеніе объяло мою дѣтскую душу, когда я однажды за воскресной літургіей въ Крестовоздвиженскомъ храмѣ услышалъ, что вмѣсто имени государя императора Николая II стали возносить имя великого князя Михаила Александровича, а по прошествіи нѣсколькихъ дней и это имя опустили и стали поминать пресловутое Временное правительство. И съ каждымъ днемъ все шло подъ откосъ на несчастье и гибель Россіи»⁷. Послѣдствія начавшейся катастрофы не замедлили сказаться въ жизни каждого россійского гражданина — архіерейскій хоръ, за неименіемъ средствъ, былъ расформированъ. Въ это время родитель Василія — Константинъ Константиновичъ — получилъ на службѣ указаніе переѣхать въ Киевъ, куда и вернулась вся семья и поселилась на Ново-Караваевской улицѣ, въ д. №16. Въ Киевѣ Василію удалось прослушать курсъ лекцій въ 4-мъ классѣ Кіево-Софійского духовнаго училища. Вскорѣ училище и духовная семинарія были закрыты. Малороссія была объята пламенемъ гражданской войны. Киевъ переходилъ изъ рукъ въ руки, семья Василія это особенно ощущала: рядомъ съ ихъ домомъ рвались снаряды и полыхали пожары, т.к. неподалеку находился вокзалъ, за который велись бои. Въ періодъ, когда городъ былъ освобожденъ Добровольческой арміей, Василію довелось быть въ кафедральномъ соборѣ за службой, возглавленной Кіевскимъ митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ)⁸.

«При занятіі поляками г. Киева въ 1920 г., когда раскрылись всѣ подвалы «Чрезвычайки» на Екатерининской, Левашевской улицахъ и другихъ мѣстахъ, а также тюрьмы, сколько тогда сотень замученныхъ тѣль было свезено въ анатомическій театръ. Мы искали своихъ знакомыхъ, и я никогда не забуду громадныхъ комнатъ, въ которыхъ ярусами лежали мертвые тѣла»⁹.

Продолжать образованіе въ духовномъ учебномъ заведеніи Василій не могъ — они были закрыты. Какъ разъ въ это время, когда передъ нимъ стоялъ вопросъ, что дѣлать дальше, отецъ ушелъ изъ семьи и, получивъ новое служебное назначеніе, уѣхалъ въ Одессу. Анна Николаевна осталась одна съ 4-мя дѣтьми: Василій 16-ти лѣтъ, Александръ 14 лѣтъ, Викторъ 8 лѣтъ и Антонина 2 лѣтъ. Аннѣ Николаевнѣ вдвоемъ со старшимъ сыномъ пришлось содержать семью. «Тяжелые для насть наступили дни. Безъ

Россия въ 20-е годы
("The Russian Century" Random House)

послѣднія вещи, дома оставляешь озябшую мать съ малышами, зная, что они остались почти что ни съ чѣмъ. Находишься по селу, намерзнешь, гдѣ-нибудь у доброго крестьянина заночуешь, чтобы съ разсвѣтомъ выйти въ обратный путь. Ночь кажется длинная. Не спится. Такъ и чувствуешь, что призракъ голода витаетъ надъ нашей семьей, а спасенія ждать неоткуда. Отъ людей, кромѣ безсердечія, или, въ лучшемъ случаѣ, равнодушія, ничего другого не жди. Наплачешься вволю и заснешь...»¹⁰. Анна Николаевна начала печь пирожки и продавать ихъ на вокзалѣ. Въ то время обездоленные люди, какъ и теперь въ Россіи 90-хъ гг., старались съ помощью различныхъ немудреныхъ промысловъ добывать себѣ средства для существованія. Такъ семья питалась въ теченіе двухъ лѣтъ. Когда Анна Николаевна отлучалась изъ дома, то обязанности по хозяйству лежали на Василіи, и наоборотъ. Приходилось Аннѣ Николаевнѣ иногдаѣздить къ своей родной сестрѣ, Еленѣ Николаевнѣ, на станцію Бровки (прибл. 20 км отъ Киева), въ село Вербово. «Та жила въ достаткѣ, но мужъ ея былъ мало отзывчивъ, и тетя вынуждена была скорбя терпѣть, не имѣя возможности откликнуться на наше горе. Но все же какую-то помощь удавалось получить... Однажды мама, — пишетъ владыка въ своеімъ дневникѣ¹⁰, — простилась со всѣми нами и за 2 часа до отправленія поѣзда ушла на вокзалъ, чтобы выѣхать 7 часовымъ одесскимъ поѣздомъ. Черезъ часъ послѣ ухода мамы я почувствовалъ необыкновенную тоску на сердцѣ. Оно меня неумолчно стало побуждать: верни во что бы то ни стало маму. Я вынужденъ быть пойти на вокзалъ, разыскать въ поѣздѣ мать и умолить ее, удивленную такимъ моимъ поступкомъ, вернуться съ билетомъ въ рукахъ домой. На слѣдующій день мы узнали, что недалеко отъ станціи Бровки весь со-

средствъ, въ дни лихолѣтья безпросвѣтнаго, надо было какъ-то отыскивать средства къ существованію. Ничѣмъ въ тѣ дни постояннымъ, опредѣленнымъ нельзя было заняться, т.к. частыя смѣны то тѣхъ, то иныхъ властей не давали возможности нормально всѣмъ жить. Всѣ жили однимъ днемъ. Въ городѣ началь ощущаться голодъ, зимой — недостатокъ топлива... Не разъ бывалъ зрителемъ, какъ зимой съ крыши поѣздовъ снимали замерзшихъ людей. Приходилось мнѣ на маленькихъ салазкахъ часто съ братомъѣздить за городъ за дровами, а также по деревнямъ мѣнять носильные вещи и все, что осталось отъ прежняго уюта... Бывало, пойдешь въ холодную пору искать че-го-нибудь изъ сѣѣстнаго, взявъ изъ дома

ставъ пошель подъ откосъ и почти всѣ ъхавши погибли. Въ то время крушенія поѣздовъ были обычнымъ явленіемъ. Другой разъ мама ъхала по тому же направлению, и въ дорогѣ вдругъ на одной изъ станцій военныхъ власти приказали освободить нѣсколько вагоновъ. Мамѣ пришлось съ другими пассажирами сойти и черезъ нѣсколько часовъ сѣсть въ товарный вагонъ. Основной же составъ, не успѣвъ выйти со станціи Фастовъ, пошель подъ откосъ, и много было раненыхъ и убитыхъ. Я же, узнавъ о крушенніи этого поѣзда и зная, что мама въ немъ поѣхала, былъ виѣ себя отъ отчаянія. Пошелъ въ железнодорожный моргъ и дѣйствительно видѣлъ не одинъ десятокъ убитыхъ, а также еще немало не выгруженныхъ въ товарныхъ вагонахъ... Такъ мы жили и благодарили Господа, что живемъ всѣ вмѣстѣ и семья вся при мамѣ-труженицѣ, а отцомъ мы были забыты. Несмотря на скучность, все же къ Рождеству Христову покупали для младшихъ дѣтей елочку и всегда спрашивали традиціонный ужинъ съ неизмѣнной кутьей и узваромъ на сѣнѣ подъ святыми образами».

Продолжить обученіе въ духовномъ учебномъ заведеніи было невозможно, а о свѣтской будущности, напримѣръ, оперного пѣвца, что вполнѣ позволялъ его замѣчательный голосъ, Василій не желаль и думать. Онъ уже всталъ на другой путь, приводящій узкими стезями въ Царство Небесное — «Вида непрочность семейнаго счастья, и кругомъ горе и скорбь, я въ душѣ всегда носилъ завѣтную мечту, какъ бы пойти по пути иноческому. Но пламенная любовь къ матери и сыновній долгъ какъ старшаго въ семье помощника не давали мнѣ возможности осуществить свою завѣтную цѣль». Въ то время встать на иноческій путь значило добровольно принять на себя крестъ мученичества и исповѣдничества.

Наступиль Великій постъ 1922 г. Желая достать ко свѣтлому дню Христова Воскресенія немногіе муки, Анна Николаевна поѣхала къ дядѣ на ст. Бородянку, на хуторъ (Ольково — неразборчиво — сост.), вернулась она черезъ недѣлю съ мукой, но слегла, т.к. въ поѣздкѣ заболѣла. Врачъ совѣтовалъ лѣчъ въ больницу, но онѣ въ то время не отапливались, да и уходъ былъ скверный, потому Анна Николаевна осталась дома. Черезъ двѣ недѣли появилась опухоль — паратифъ, поблизости не было никого, могущаго оказать медицинскую помощь. Въ ночь съ 3-е на 4-е марта, въ первый часъ ночи, Анна Николаевна отошла. Вечеромъ того дня Василій слышалъ, какъ мама говорила навѣстившей ее знакомой: «Я за Васю не боюсь. Я знаю, что онъ уйдетъ въ монахи, я скорблю за этихъ остальныхъ. Что съ ними будетъ безъ меня?!»

Великое и неутѣшное горе объяло Василія и младшихъ братьевъ, оставшихся теперь всецѣло на его попеченіи. Миръ безучастно взиралъ на постигшую ихъ бѣду, да и какой домъ миновала бѣда въ тѣ годы? Правда, нашлись добрые люди, которые помогли въ хлопотахъ для погребенія. «Какъ я могъ пережить тѣ дни, я самъ теперь удивляюсь — пишетъ владыка, — Вѣдь въ ея лицѣ я потерялъ и мать, и вѣрнаго друга, который вла-

галь въ мое сердце и душу въ теченіе всей своей нерадостной жизни одно только добро и подвигъ... Пришлось что возможно было продать, чтобы оплатить погребеніе, гробъ, лошадей и прочее необходимое, къ тому же кто-то, воспользовавшись несчастьемъ, похитилъ все бѣлье и мамины вещи, такъ что мы остались почти что нищіе. Отпѣваніе совершилъ іерей Бутвиненко, но впослѣдствії выяснилось, что онъ уклонился въ самосвятское движение «липовщину», и поэтому позже пришлось совершить уже настоящее отпѣваніе. На погребеніе, проходившее подъ громогласный дѣтскій плачъ, собралась небольшая группка сочувствующихъ сосѣдей, падаль снѣгъ, погода была пасмурная, похоронная»... Анна Николаевна скончалась 39-ти лѣтъ.

Вернувшись на квартиру, гдѣ все было связано съ мамой, Василій не могъ, его вмѣстѣ съ братьями пріютили сосѣди, до прїѣзда изъ Одессы отца, которому была послана телеграмма о случившемся.

Отецъ забралъ всѣхъ дѣтей въ Одессу, куда они пріѣхали передъ страстью седмицей 1922 г. Жилье онъ въ дорогой, хорошо обставленной квартире, но, къ сожалѣнію, не церковной жизнью, его окружение — люди неискренніе, фальшивые, тяготили Василія, и онъ, видя, что братья уже могутъ обойтись безъ него, просилъ отца отпустить его въ Кіевъ, въ монастырь. На что получилъ категорическій отказъ. Но по милости Божіей, же лѣзнодорожное начальство снова перевело отца на службу въ Кіевъ, куда они прибыли передъ Рождествомъ 1922 г.

Въ январѣ 1923 г. Василій посѣтилъ епископа Алексія Звенигородского, который возглавлялъ пастырскіе курсы, но оказалось, что они закрыты, и епископъ пословѣтовалъ Василію встрѣтиться съ воспитанниками еще существовавшей Кіевской духовной академіи, ректоромъ которой являлся прот. Александръ Глаголевъ. Учащіе изъ монашествующихъ жили въ самой лаврѣ, куда и направился Василій. Въ тѣ годы, когда избрать путь священства значило избрать путь мученичества, когда случалось, что епископы и священники поддавались врагу, старавшемуся не только снаружи, но и изнутри разрушать Церковь, и вступали въ «живую церковь» или просто уходили въ міръ, юный Василій пришелъ въ Кіево-Печерскую лавру. Въ то время тамъ было около 400 человѣкъ братіи вмѣстѣ съ послушниками, которыхъ было человѣкъ 50, всѣ, главнымъ образомъ, пожилые и старики, да человѣкъ 50 іеромонаховъ по приходамъ и на салахъ. (Передъ революціей въ лаврѣ было 1500 насельниковъ — 500 человѣкъ монашествующие, остальные послушники). Въ тѣ годы лавра изъ-за обстоятельствъ времени перешла отъ устава общежительного на уставъ своеокощтный, что повлекло за собой упадокъ иноческой жизни: дисциплины и аскетическая душа. Съ этимъ старался бороться архим. Гермогенъ, создавшій Братство преп. Феодора Студита, ставившее своей цѣлью духовное укрепленіе иночества.

«Въ Лаврскомъ дворѣ было почти пусто — вспоминаетъ владыка

Слѣва: послушникъ Василій, о. Єоодосій и будущій архієпископъ МП, архим. Гермогенъ (Голубевъ). Київъ, около 1926 г.

"The Orthodox Word" No. 99, 1981

Леонтій. — На серединѣ двора со мной поравнялся какой-то сравнительно молодой человѣкъ въ семинарской шинели, въ золотыхъ очкахъ и удивительно добрымъ лицомъ. Я и обратился къ нему. — Не знаетъ ли онъ, куда мнѣ можно обратиться и къ кому, чтобы возобновить свое богословское образованіе и стать священникомъ, но не жена-тымъ. — А почему бы вамъ не поступить въ монастырь? — замѣтилъ мнѣ повстрѣчавшійся. Я отвѣтилъ, что, не имѣя возможности вносить вкладъ въ монастырь, а также

видя, что монастыри закрываются и гонимы, я не знаю, осуществимо ли это теперь. Онъ мнѣ отвѣтилъ: "Еще вполнѣ осуществимо, если пожелаете, вѣсь примутъ безъ всякаго вклада, а то, что монастыри гонимы и Церковь Христова вступила въ полосу гоненій, пусть вѣсь это не смущаетъ. Именно цѣннѣѣ въ очахъ Божіихъ, когда въ это время, а не во дни благоденствія, люди отдаютъ себя на служеніе Господу Богу. Хотите ли, я вѣсь познакомлю съ замѣстителемъ намѣстника лавры, о. архимандритомъ Гермогеномъ? (Намѣстникъ, архим. Климентъ, былъ болѣнъ, впослѣдствії онъ, живя въ Харківѣ, вмѣстѣ съ епископомъ Павломъ /Кратировымъ/ и другими видными пастырями отошелъ отъ митроп. Сергія). Онъ сейчасъ кончаетъ панихиду въ Великой церкви по убіенному митрополиту Владиміру, которому сегодня 5-я годовщина мученической кончины".

Итакъ, Василій согласился встрѣтиться съ о. Гермогеномъ (Голубевымъ), впослѣдствії, пожалуй, единственнымъ открытымъ борцомъ за правду изъ архіереевъ МП совѣтскаго періода, принявшимъ монашескій постригъ подъ вліяніемъ митрополита Антонія (Храповицкаго) отъ рукъ священномученика Єодора (Позднѣвскаго) и рукоположеннымъ въ іеромонахи свят. Тихономъ Московскимъ. Лаврскій послушникъ, студентъ IV курса академіи Иванъ Петровичъ Михайловскій — такъ звали повстрѣчавшагося Василію молодого человѣка — посовѣтовалъ ему, чтобы при этой встрѣчѣ, когда о. Гермогенъ будетъ говорить Василію — Вы, можетъ быть, на всю жизнь останетесь простымъ монахомъ, тотъ соглашался — «онъ любить людей испытывать». Принявъ Василія въ присутствії Ивана Петровича, о. Гермогенъ объяснилъ всю трудность иноческаго пути, особен-

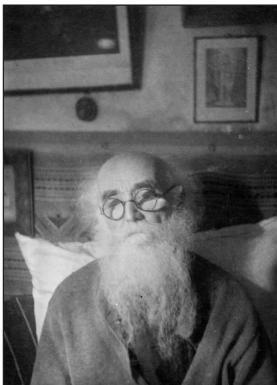
но, въ настоящее время. Замѣтилъ ему и то, что Василій можетъ на всю жизнь остаться простымъ чернецомъ. Подготовленный заранѣе Василій отвѣчалъ не смущаясь (впослѣдствіи о. Гермогенъ отечески журилъ Василія и его инструктора, когда тѣ открыли ему о своей подготовкѣ). Въ заключеніе Василію было сказано явиться въ лавру на 2-й недѣлѣ Великаго поста, чтобы присмотрѣться къ иноческой жизни. О. Гермогенъ произвелъ на Василія впечатлѣніе человѣка очень строгаго и суроваго аскета. «Онъ былъ такъ худъ, — пишетъ владыка Леонтій въ свое мѣсто дневникѣ, — что, казалось, одна кожа держитъ его кости. Это былъ какъ бы скелетъ. Но глаза необыкновенно пронзительные и какъ бы прямо заглядываютъ въ твою душу, видя ее насквозь». Трогательную память о немъ владыка Леонтій сохранилъ на всю жизнь.

Отцу Василій сказалъ, что ходить въ лавру, и что онъ собирается поступить въ Духовную монашескую школу, подробно не объясняя всего. Въ недѣлю Вай о. Гермогенъ сказалъ Василію, уже проведшему въ лаврѣ двѣ недѣли, что если онъ имѣеть твердое намѣреніе, то можетъ быть принять послушникомъ. «Конечно, я съ радостью согласился. Дома же я сказалъ, что мнѣ далеко ходить учиться и я могу жить въ лаврѣ»¹¹.

На Страстной седмицѣ о. Гермогена арестовали. Будучи предупрежденъ заранѣе о готовящемся арестѣ, онъ рѣшилъ ожидать его, предавая себя въ руки Божіи. Отдавая распоряженія на время своего отсутствія, о. Гермогенъ сказалъ Ивану Петровичу, чтобы тотъ сохранилъ Василія и не покидалъ его своимъ попеченіемъ. Въ ночь на Великій четвергъ, вмѣстѣ съ о. Гермогеномъ арестовали рядъ видныхъ церковныхъ дѣятелей.

Не радостно было братіи встрѣтить Св. Пасху безъ о. Гермогена. Свѣтлая заутреня была отслужена соборнѣ. Чудно пѣли иноки въ алтарѣ и на клиросѣ. «Только на небѣ, очевидно, можно услышать праведнымъ душамъ такое дивное пѣніе» — записалъ въ свое мѣсто дневникѣ владыка Леонтій. Послѣ ареста о. Гермогена, Василій перешелъ на послушаніе помощника библіотекаря лавры. Лаврская библіотека въ то время являлась огромнымъ книгохранилищемъ, содержащимъ не только книги, но и рукописи, фоліанты, напримѣръ, написанные рукой свят. Димитрія Ростовскаго. Несъ Василій Константиновичъ и послушаніе пѣвчаго, онъ прекрасно пѣть и могъ вести свою партію, пѣть вторымъ, у него была замѣчательная память, ему стоило разъ-два прослушать, какъ наизусть все пѣль, поэтому плохо изучать ноты¹².

Побѣдившая совѣтская власть съ рвениемъ принялась строить свой «новый міръ» на мѣстѣ святой Руси. Вначалѣ въ лавру были переселены инвалиды — ветераны красной арміи, отличившіеся своими заслугами передъ новой властью. «Съ водвореніемъ ихъ, — пишетъ владыка Леонтій, — насыльники лавры навсегда распрострились съ монастырскимъ уставомъ и бытомъ. По учрежденному свыше плану дѣлалось все, чтобы отравлять жизнь насыльниковъ лавры и ея благочестивыхъ посѣтителей. Какъ прави-

Архієпископъ Антоній (Абашідзе). Фото около 1942 г.

ло, подъ праздники стали во дворѣ лавры, около Великой соборной церкви, во время богослуженій, устраивать кинематографъ съ оркестромъ или же разныя спортивныя состязанія на крашеныхъ церковныхъ коврахъ». Отобраны были гостиницы, чтобы богомольцамъ негдѣ было останавливаться во дни великихъ праздниковъ. Въ лѣтнюю пору, когда множество людей стекалось въ лавру, власти отключали воду. Черезъ святыя лаврскія врата — главныя въ монастырѣ — даже императоръ россійскій изъуваженія къ святынѣ земли русской никогда не проѣзжалъ, теперь же черезъ нихъ нарочно проходили грузовые машины.

1923 годъ. Киево-Печерская лавра была формально передана живоцерковникамъ и на половину занята безбожниками. Въ Кіевѣ распространяется самосвятское украинское движение. Въ маѣ того года въ лавру прибылъ высланный изъ Крыма архієпископъ Таврическій и Симферопольскій Димитрій. Онъ принялъ схиму съ именемъ Антоній, и мѣстомъ жительства избралъ Китаевскую пустынь, принадлежащую Киево-Печерской лаврѣ и отстоявшую отъ нея въ 9 км. Тамъ, на полѣ рядомъ съ обителю, былъ похороненъ блаженный инокъ јеофиль, большевики уничтожили его памятникъ.

Владыка Леонтій вспоминалъ, что бывшій Таврическій архієпископъ Антоній, почитаемый въ Кіевѣ какъ великий подвижникъ, молитвенникъ и духовно-старецъ, былъ тотъ самый инспекторъ, который въ свою бытность въ Грузіи исключилъ изъ семинаріи Іосифа Джугашвили¹³.

За духовными совѣтами къ владыкѣ Антонію стекались православные изъ Россіи, Україны, Бѣлоруссіи, Грузіи; у него окормлялись многіе, особенно монашествующіе. «Жилъ онъ не для себя — пишетъ владыка Леонтій въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁴, — а для Бога, для Церкви и для людей. Ни одинъ православный епископъ, и даже нѣкоторые изъ обновленцевъ, впослѣдствіи принесшихъ покаяніе, не проѣзжали мимо его скромнаго жилища, чтобы не зайти для духовной бесѣды. У него я познакомился съ митрополитомъ Одесскимъ Анатоліемъ (Грисюкомъ), архіеп. Черниговскимъ Пахоміемъ, епископомъ Рыльскимъ Павлиномъ (Крошечкинымъ), архієпископомъ Ростовскимъ Арсеніемъ (Смолянцомъ), Глуховскимъ епископомъ Дамаскиномъ (Цедрикомъ), архієпископомъ Бакинскимъ Павломъ, епископомъ Ташкентскимъ Лукой (Войно-Ясенецкимъ), епископомъ Мануиломъ (Лемешевскимъ), епископомъ Анальевскимъ Пароеніемъ (Брянскихъ)». Послѣдній вскорѣ послѣ выхода изъ Киевской

тюрьмы жилъ немного въ лаврѣ у бр. Василія, а затѣмъ онъ отвелъ его къ владыкѣ Антонію.

Въ концѣ ноября 1924 г. въ Кіевъ вернулся о. Гермогенъ, онъ находилсѧ въ ссылкѣ въ Краснококшайскѣ (нынѣ Іошкаръ-Ола) вмѣстѣ съ замѣчательнымъ кіевскимъ пастыремъ — исповѣдникомъ іереемъ Анатоліемъ Жураковскимъ, впослѣдствіи отстаивавшемъ въ Кіевѣ церковную позицію митрополита Іосифа (Петровыхъ).

Будучи юнымъ, незамѣтнымъ послушникомъ, братъ Василій исполнялъ отвѣтственное послушаніе — доставлять опредѣленнымъ заключеннымъ средства къ существованію, собранныя большей частью благочестивыми женщинами. Пока было открыто подворье лавры въ Петроградѣ, т.е. до 1932 г., эти средства собирались тамъ и составляли строго засекреченный фондъ, благодаря коему бр. Василій могъ посѣщать ссыльныхъ и опальныхъ въ глазахъ коммунистовъ духовныхъ лицъ, наблюдая церковную жизнь по всей Россії. Въ то время такое служеніе въ темницахъ сущимъ несли многіе церковные люди. «Было время, когда я былъ посредникомъ между добрыми людьми, оказывавшими помощь, и заключеннымъ духовенствомъ, а когда я сталъ священникомъ, и мнѣ добрые люди вездѣ и всегда оказывали такую же помощь, — въ тюрьмѣ, на принудительныхъ работахъ, въ условіяхъ подпольного существованія. Благодаря этому, я всегда имѣлъ возможность помогать своимъ соузникамъ и тѣмъ, кто меня скрывалъ и терпѣль нужду»¹⁵ — отвѣчаетъ владыка на вопросъ: какъ онъ уцѣлѣлъ въ годы лихолѣтья?

О. Гермогенъ посыпалъ Василія посѣщать заключенныхъ въ тюрьмахъ, а когда онъ сталъ іеромонахомъ, — замѣщать въ служеніи на приходахъ арестованныхъ священнослужителей. Во многихъ святыхъ мѣстахъ поруганной Руси побывалъ тогда владыка Леонтій. Многіе матеріалы, использованные прот. Михаиломъ Польскимъ въ его посвященномъ «Новыемъ мученикамъ Россійскимъ» трудѣ, были присланы владыкой Леонтиемъ: сообщенія о епископахъ-мученикахъ Пароеніи (Брянскихъ), Аркадіи (Остальскомъ), Максимѣ (Руберовскомъ), митрополитѣ Константинѣ, архіепископѣ Пахоміи и другихъ епископахъ и исповѣдникахъ Украйинского экзархата и разныхъ областей¹⁶.

Въ те годы о. Леонтій сблизился съ прот. Адріаномъ Рымаренко, впослѣдствіи архіепископомъ Андреемъ Рокландскимъ. Владыка Леонтій рассказывалъ, что онъ, еще будучи послушникомъ Василіемъ, подавалъ о. Адріану чай, когда тотъ приходилъ въ лавру въ гости къ кому-то изъ старшой братіи.

Въ 1923 г. бр. Василій поѣхалъ по послушанію въ Черемисский край, везя помощь ссыльному духовенству. По пути онъ остановился въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ, настоятелемъ котораго въ тѣ годы былъ архиеп. Феодоръ (Позднєвский). Въ Москвѣ бр. Василію удалось посѣтить почти всѣ монастыри, два раза привелось видѣть св. патріарха Тихона,

Китаевская пустынь
«Православные русские обители» СПб 1994 г.)

подъ благословеніе къ которому его подвель владыка Ананьевскій Пароеній. Привелось познакомиться съ другомъ владыки Феодора, архіеп. Вароломеемъ (Ремовымъ) и возглавляемымъ имъ братствомъ Высоко-Петровского монастыря.

Большевики всяческими мѣрами старались вынудить духовенство отказатьться отъ подчиненія патріарху Тихону въ пользу обновленцевъ.

Жить становилось все

труднѣе. «Но лаврская братія любила свою обитель и дорожила ею, поэто-му, невзирая на холодъ и голодъ, все же какъ-то жила и добровольно не расходилась. Многіе монахи ходили работать къ частнымъ лицамъ, копали огороды, чистили сады, пилили дрова, столярничали, портняжничали, рукодѣльничали и такъ жили, благодаря Бога и прося, чтобы не было хуже¹⁷. Послѣ отказа братіи лавры признать обновленцевъ, ГПУ, въ концѣ 1924 г., само приступило къ передачѣ послѣднимъ лавры. Келліи братіи обыскивались, насыльниковъ допрашивали, задержанъ быль среди другихъ и послушникъ Василій Филипповичъ, но послѣ суточнаго ареста быль освобожденъ, и ему пришлось нѣкоторое время носить въ тюрьму передачи заключеннымъ тамъ лаврскимъ братіямъ. По освобожденіи нѣкоторые разселились по Киеву, а бывшіе не въ состояніи работать по найму, помѣстились въ принадлежавшей лаврѣ Китайской или Китаевской пустыни. «Насъ, трудоспособныхъ, мѣстная власти зимой въ принудительномъ порядкѣ въ стужу и метель гоняли въ нашъ Голосѣвскій монастырскій лѣсъ пилить для нихъ дрова, срѣзать деревья съ корней. Съ утра до поздняго вечера по колѣни въ снѣгу, на морозѣ, безъ пищи и воды, въ ветхой одеждѣ мы должны были работать. Для утоленія жажды въ же-стянкѣ топили снѣгъ, а пищѣ было то, что кто-гдѣ для себя раздобу-детъ»¹⁸.

Жизнь насыльниковъ Китаевской пустыни, этой монастырской богоадѣльни, являеть для нась вдохновляющее подтвержденіе того, что въ любыя времена Богъ имѣть среди христіанъ истинныхъ Своихъ рабовъ, неложно служащихъ Ему, подобно древнимъ подвижникамъ. «Такъ, однажды смертельно заболѣль помощникъ о. Селевкія (завѣдывавшаго бо-гадѣльней — сост.), о. Иннокентій, большой постникъ, человѣкъ подвижническаго устроенія. Его положеніе было безнадежно. И вотъ о. Селевкій, видя такое состояніе о. Иннокентія, по совѣту одного іеромонаха, войдя въ

Василій, передъ тѣмъ, какъ стать послушникомъ. Слѣва — Анатолій Тимоѳіевичъ, справа — будущій архим. Феодосій. Кіевъ, около 1924 г.

(*"The Orthodox Word"* No. 99, 1981)

шить паломничество въ Саровскую закрытіе). Путь ихъ лежалъ черезъ Нижній Новгородъ, гдѣ они посѣтили находившагося тамъ митроп. Сергія (Страгородскаго), замѣстителя патріаршаго мѣстоблюстителя, который очень радушно принялъ паломниковъ. Какъ разъ въ это же время въ Нижнемъ гостила владыка Іосифъ (Петровыхъ), только что возведенныи мѣстоблюстителемъ въ сань митрополита и назначенный на Ленинградскую каѳедру. Здѣсь же паломники встрѣтили ново-хиротонисанного епископа Димитровскаго Іоасафа (кн. Жевахова). «Митрополитъ Сергій предполагалъ тогда переѣхать въ Москву. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ былъ очень ограниченъ. Тамъ же проживали близкіе ему молодые монахи: іеромонахъ Кипріанъ и іеродіаконы Руфимъ и Рувимъ. Впослѣдствіи они были арестованы и сосланы, а въ ссылкахъ — замучены. Они-то и рассказали намъ о слѣжкѣ и контролѣ совѣтской власти надъ каждымъ шагомъ митрополита Сергія... Онъ еще не отошелъ отъ положенія домашняго арестанта. Во всемъ его поведеніи чувствовалась настороженность и беспокойство»²¹.

Послѣ Сарова паломникамъ удалось посѣтить Дивеевскій монастырь, тамъ проживали ссыльные архіереи: архіепископъ Димитровскій Серафимъ (Звѣздинскій), викарій Московской епархіи, архіепископъ Филиппъ

общую братскую палату въ богоадѣльнѣ, обратился къ находившимся здѣсь отцамъ съ такими словами: "Отцы святые! о. Иннокентій помираетъ. Вы знаете, какъ онъ всѣмъ намъ необходимъ и мнѣ безъ него, какъ безъ рукъ. Можетъ быть, изъ васъ кто согласится за него умереть?" Нашлись два охотника: о. Павель и о. Гордій¹⁹, которые вначалѣ стали любовно оспаривать, кому же умереть первымъ. Наконецъ, согласились, что умретъ о. Павель, какъ первый вызвавшійся. И по вѣрѣ и было имъ... Не прошло и двухъ дней, какъ о. Иннокентій поправился, а о. Павель почилъ сномъ праведника»²⁰.

Въ августѣ 1926 г. владыкѣ Леонтию выпала радость сопровождать своего духовнаго отца въ паломничество — архим. Гермогенъ, въ благодарность за свое неожиданное освобожденіе, рѣшилъ совершилъ обитель (вскорѣ послѣдовало ея за-

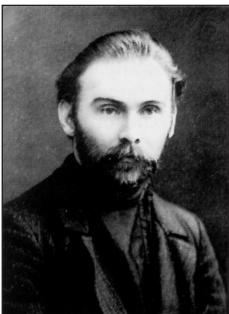
(Гумилевский), викарій нижегородський, впослѣдствії разстрѣлянны. Тамъ владыка Леонтій встрѣтился со своимъ другомъ дѣтства, докторомъ А.П. Тимоѳіевичемъ, проживавшимъ послѣ войны въ Ново-Дивѣевѣ, подъ Нью-Йоркомъ. Возвращаясь черезъ Москву, паломники посѣтили Даниловъ монастыры.

Примѣчательна позиція Данилова монастыря въ то время: «Въ отвѣтъ на декларацию митроп. Сергія, въ Москвѣ отвѣтиль протестомъ прежде всего Даниловъ монастырь по указанію изъ ссылки архіеп. Феодора. Намѣстникъ обители, іером. Тихонъ съ братіей, не прекращая поминовенія митроп. Сергія, отказались исполнять его предписанія вообще, а также прекратили съ нимъ молитвенное общеніе: не приглашали его къ себѣ, какъ это было принято, на храмовые праздники и сами не являлись на общемосковскія церковныя торжества... Даниловъ монастырь быль какъ бы тотъ маякъ, на который взирали всѣ тѣ, кому была дорога истина. Вотъ почему, если какого-то іерарха или духовное лицо принималъ Даниловъ монастырь въ свое молитвенное общеніе, то лицо въ глазахъ народа православнаго становилось достойнымъ довѣрія, и наоборотъ...»^{21а}.

Въ 1927 г., когда отъ лавры оставалась одна лишь Китаевская пустынь, бр. Василій принялъ монашескій постригъ отъ о. Гермогена и схи-архіепископа Антонія, при участіі всего лаврскаго братства, съ именемъ Леонтія въ честь свят. Ростовскаго (память 23 мая) — «не желая плыть по теченію и руководствуясь обратной трактовкой большевицкаго тезиса "бытіе опредѣляетъ сознаніе", считая, что сознаніе опредѣляетъ бытіе».

Въ Петербургъ

Въ сентябрѣ 1927 г., о. Леонтій, по послушанію, выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ посѣлился на подворье лавры, находившемся на 14-й линії Васильевскаго острова, тамъ онъ жилъ до 1930 г. и учился на Высшихъ православныхъ богословскихъ курсахъ, на которыхъ преподавали «остатки» профессуры Петербургской духовной академіи. Въ то время эти курсы являлись единственной на всю Россію высшей богословской школой, размѣщались они въ домѣ Эстонско-религіозно просвѣтительского общества на Екатерингофскомъ проспектѣ. Ректоромъ ихъ быль прот. Николай Чуковъ, проректоромъ — проф. Петровскій. Въ числѣ преподавателей состояли: знаменитый филологъ Л.В. Щерба; проф. А.А. Димитріевскій, читавшій курсъ литургіки и церковной археології (ставшій близкимъ знакомымъ о. Леонтия); проф. прот. М. Чельцовъ (впослѣдствії разстрѣленный), читавшій Новый Завѣтъ; проф. русской исторіи С.В. Рождественскій (погибшій въ сибирской ссылкѣ по т.н. дѣлу Академіи наукъ), и многие иные занимались съ о. Леонтиемъ, благо всѣ эти ученые жили тамъ же, на Васильевскомъ островѣ. Вообще, православный Петроградъ того времени представлялъ собою лугъ духовный Российской Церкви, явившій себя въ стойкомъ сопротивленіі сергіевской кривизнѣ — здѣсь большин-

Поэт Н. Клюевъ
(*«Огонекъ» №28, 1995 г.*)

ство епископовъ и множество мірянъ не приняли ее. О. Леонтию довелось общаться съ воспитанниками св. прав. Иоанна Кронштадтского и приснопамятного священномученика Веніамина. Можно представить себѣ, какова была духовная радость о. Леонтия, пришедшаго отъ святынь матери городовъ русскихъ въ градъ святого Петра, отъ пребыванія въ общеніи съ такими людьми.

Когда о. Леонтий приступилъ къ занятіямъ, на трехъ курсахъ было около 120 студентовъ. 1-й курсъ, на который былъ зачисленъ о. Леонтий, состоять изъ 10 человѣкъ — трое монашествующихъ (часто собиравшіеся у о. Леонтия), а остальные — монахолюбцы. Лекціи читались по вечерамъ, т.к. днемъ всѣ были заняты на работѣ. Съ наиболѣе способными студентами и заслуживающими довѣрія учениками, преподаватели, напримѣръ, проф. Бриллантовъ, вели дополнительныя занятія. «Были также и маленькие законспирированные богословскіе кружки. Туда входили студенты разныхъ институтовъ и университета. Никакой политикой въ нихъ не занимались, но безбожію не было пощады, изучали теорію и практику того, что такъ живо интересуетъ каждого христіанина, тѣмъ самыемъ укрѣпляя себя на случай всякихъ неожиданностей со стороны коммунистовъ. Когда наступиль огненный экзаменъ, всѣ, за рѣдкими исключеніями, показали себя христіанами первыхъ вѣковъ, какъ профессора, такъ и студенты».²² Членомъ богословскаго кружка, въ который входилъ владыка Леонтий, былъ также извѣстный «мужицкій» поэтъ Н. Клюевъ²³, литературный руководитель Есенина, писавшій въ тѣ годы поэму-плачъ по разрушающему вѣковѣчному крестьянскому укладу жизни. Иногда занятія этихъ кружковъ проходили на квартирѣ о. Леонтия на подворье.

Самъ о. Леонтий стихи не писалъ, хотя въ посвященной ему статьѣ А. Дарова «Юбилей служенія и подвига» (*«Новое русское слово»*, 1966 г.) говорится «стихи — старомодно обаятельны, но не очень просты. Пишутся съ далекой юности..» О. Веніаминъ (Вознюкъ) разсказываетъ, что владыка, бывало, писалъ воспоминанія, и у него дѣйствительно бывали моменты, когда онъ писалъ маленькая стихотворенія, но онъ никогда не показывалъ никому ничего. Владыку Леонтию путали съ митрополитомъ. Леонтиемъ изъ Американской митрополіи, тотъ, дѣйствительно, писалъ стихи.

6 6 6

О. Леонтий прїѣхалъ въ Петроградъ какъ разъ въ то время, когда изданiemъ своей декларациіи митроп. Сергій внесъ расколъ въ Русскую Православную Церковь. Владыка Леонтий пишетъ по этому поводу: «Какъ бы ни было тяжело, митрополитъ Сергій не долженъ быть ее подписывать, —

если онъ ее дѣйствительно подпись въ такой недопустимой редакції, въ какой она опубликована, — или признавать свою подпись. Этой декларацией онъ наносилъ ударъ идейной борьбѣ Православной Церкви съ богочестивской властью, затемня въ глазахъ православныхъ и всего міра ореолъ мученичества и исповѣдничества, раскалывая Православную Церковь на двѣ половины. Нельзя было покупать у коммунистовъ видимости церковной свободы такой дорогой цѣной. "Горе міру отъ соблазновъ, — учить Спаситель, — но горе тому, черезъ кого соблазнъ приходитъ" ... »²⁴.

Митрополитъ Сергій, — пишетъ владыка въ своемъ дневникѣ (3-я тетрадь), — въ бесѣдѣ съ епископомъ Димитріемъ Гдовскимъ, не возражая на его вѣсіе доводы противъ декларации, возражалъ, что необходимо перейти черезъ эту грязную лужу (декларацию — сост.), и хотя самъ онъ замарается, но все же сможетъ сохранить хоть что-то отъ полнаго и беспощаднаго разгрома.

«Что дала митр. Сергію его декларация? То, что къ 1941 г. почти все было ликвидировано, за исключениемъ самого митр. Сергія и нѣсколькихъ епископовъ при немъ, не болѣе десятка на всю страну, и двухъ десятковъ священниковъ, невольныхъ агентовъ ГПУ! Я вспоминаю бесѣду съ епископомъ Пароеніемъ, еще задолго до этой трагедіи, о томъ, что Господь за грѣхи народовъ попускаетъ исчезновеніе нѣкоторыхъ Церквей совершенно съ лица земли, какъ это было, напримѣръ, съ цвѣтущей Каролінгской Церковью. Во времена ея расцвѣта тамъ были десятки епископовъ, сейчасъ — полное опустошеніе, и о ней осталось только воспоминаніе. Такъ можетъ быть и съ Русской Православной Церковью. Когда я впослѣдствіи передалъ эту бесѣду схи-архієпископу Антонію, онъ сказалъ: "А знаешь, что я тебѣ скажу? Можетъ быть, въ то время епископъ Пароеній былъ въ Духѣ Святомъ и сказалъ это!" »²⁵.

Самъ владыка Леонтій рѣзко и съ огорченiemъ относился къ «измѣнѣнію сергіевцевъ». «Два съ половиной вѣка мученичества привели въ древности Церковь къ ея торжеству, въ Россіи торжество наступило бы неизмѣримо раньше, если бы часть іерарховъ не сошла съ этого пути. Эта измѣна сломала моральный хребеть многимъ, стоявшимъ въ правдѣ, и отсрочила ея торжество. Но народъ пройдетъ эту страду, и пронесеть Православіе въ будущее Россіи», — говориль впослѣдствіи владыка Леонтій²⁶.

Послѣ изданія декларации большинство епископовъ старались съ нимъ (митр. Сергіемъ) не служить, не принимать никакихъ наградъ и т.д., но чтобы показать совѣтской власти церковное единство, за богослуженiemъ возносили его имя послѣ имени митр. Петра (а на Українѣ, въ основномъ, только митр. Петра — сост.). «Мнѣ не приходилось ни одного человѣка встрѣчать, какъ изъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, кои бы ее (декларацию — сост.) хоть какъ-нибудь оправдывали» — пишетъ владыка Леонтій въ своемъ дневникѣ (тетрадь 3). Въ подтвержденіе того, что власти въ опредѣленное время поощряли церковное раздѣленіе, владыка

Митрополит Сергий
(*«Трагедия Русской Церкви»*)

торыя были сначала только допущены на бумагѣ (декларація), надѣемся на то, на что надѣались и большинство русскихъ архипастырей, пастырей и мірянъ того времени, говорится въ книгѣ Елены Лопушанской «Епископы-исповѣдники», вышедшей въ Санть-Франциско въ 1971 году по благословенію архіепископа Леонтия и, очевидно, при его авторскомъ участії. Описывая церковную ситуацію конца 20-хъ годовъ, владыка замѣчаетъ, что легко разсуждать на свободѣ о томъ, какъ было бы лучше поступить тогда, въ 1927 г., въ Россіи, однако на дѣлѣ, при соприкосновеніи зарубежнаго духовенства съ совѣтской дѣйствительностью случаи исповѣдничества почти не извѣстны, чemu подтвержденіе — подчиненіе послѣ войны ряда архипастырей Зарубежья Московской Патріархіи.

Въ Богословскомъ институтѣ среди преподавателей не было открыто отдѣлившихся отъ митроп. Сергія; среди студентовъ только 5 изъ 135 стали посѣщать только тѣ храмы, что подчинялись епископу Димитрію Гдовскому, такое соотношеніе въ цѣломъ показательно для всей Россіи. Послѣ незаконнаго смѣщенія со своей каѳедры, повидимому, по требованію совѣтской власти, митрополита Іосифа (Петровыхъ), въ Петроградѣ прибыть митр. Серафимъ (Чичаговъ), находившійся въ «дѣловомъ kontaktѣ» съ большевиками, при помощи которыхъ онъ попытался отнять подворье Киево-Печерской лавры. Митр. Сергій же, по словамъ владыки Леонтия, находился не вполнѣ въ kontaktѣ съ сов. властью, «онъ не терпѣлъ, когда кто-нибудь въ своихъ личныхъ интересахъ пользовался ея услугами», и не поддержалъ митр. Серафима въ его притязаніяхъ и передалъ подворье въ дѣяніе епископа Николая (Ярушевича). О немъ владыка Леонтий вспоминаетъ: «Послѣ литургіи, передъ молебномъ, въ которомъ принялъ участіе

пишеть, что замѣчателный храмъ Воскресенія на Крови, принадлежавшій отложившимся въ Петроградѣ, былъ переполненъ молящимися и агенты ГПУ использовали его какъ мышеловку — тѣ, кто посѣщали его, пропадали.

Основываясь на вышеупомянутыхъ словахъ владыки, что сергіевская измѣна «сломала хребетъ многимъ стоявшимъ въ правдѣ», можно добавить, что тѣ, кто не желали раздѣлять неправду Сергія и отложились отъ него — преставились ко Господу какъ исповѣдники, а другіе же, хотя тоже были несогласны съ сергіанствомъ, молчаливо влились въ его теченіе. И до сихъ поръ мы питаемъ себя надеждами, что сергіевскій (нынѣшній) Синодъ на дѣлѣ исправить тѣ ошибки, ко-

епископъ Николай, послѣдній сказалъ слово по поводу отколовшихся и, защищая митроп. Сергія, старался доказать, что съ изданіемъ декларациі Церковь Русская сможетъ устроить свой разстроенный церковный аппаратъ и связаться съ другими епархіями, гдѣ нѣтъ епископовъ и духовенство осталось безпомощнымъ и беззащитнымъ, что совѣтская власть этимъ самымъ должна въ концѣ концовъ убѣдиться, что представители Православной Церкви не враги совѣтской власти и государства. Признаться, мнѣ это слово не понравилось, ибо чувствовалось, что ни владыка Николай не вѣритъ въ данный моментъ въ то, что онъ говоритъ, ни, тѣмъ болѣе, всѣ слушатели»²⁷.

Какъ о. Леонтій относился къ тѣмъ, кто съ самого начала отложился отъ митроп. Сергія, почему онъ за ними не пошелъ? Почему онъ формально оставался въ МП? Отвѣчаетъ о. Веніамінъ: «Владыка никогда рѣзкимъ не былъ. Потому что ситуація была очень сложная. Одни были безкомпромиссно готовы идти на смерть сразу, а другіе, бѣдные, пытались какъ-то лавировать. Потому владыка никогда не принималъ рѣзкой линії. Ни съ одной, ни съ другой стороны. Онъ формально былъ клирикомъ митроп. Сергія, т.к. подчинялся митроп. Константину, который подчинялся митроп. Сергію. Конечно, владыка не одобрялъ курсъ митроп. Сергія.

О. Леонтій отвозилъ посылки архіереямъ, которые сидѣли за то, что противъ Сергія шли. Всѣмъ, кто сидѣлъ въ ссылкахъ и кому можно было помочь, куда пускали, о. Леонтій щадилъ и помогалъ. Схи-архієпископъ Антоній также поминалъ митрополита Константина»^{27a}.

На лаврскомъ подворье, когда туда въ 1927 г. прибылъ о. Леонтій, проживало 18 монаховъ. Во главѣ стоялъ архим. Єфодосій. Огромный храмъ не всегда могъ вмѣстить посѣщавшихъ его вѣрующихъ. За исключениемъ нѣсколькихъ квартиръ въ митрополичьемъ домѣ, все было отобрано совѣтской властью. Благодаря большому числу вѣрующихъ, посѣщавшихъ подворье, удавалось не только вносить плату, но даже (не официально) посыпать средства въ Кіевъ, на лаврскую богадѣльню. Подворье подчинялось находившемуся въ вѣдѣнії сергіевскаго синода епископу Николаю (Ярушевичу), впослѣдствіи Крутицкому митрополиту.

Въ первый годъ своего пребыванія въ Петроградѣ, на рождественскіе каникулы въ 1927 г. о. Леонтій поѣхалъ въ Великій Новгородъ. Это посѣщеніе, видь разоренного православнаго города оставили тяжелое воспоминаніе въ душѣ. Такое же впечатлѣніе произвѣль на о. Леонтія Ростовъ Великий, который онъ посѣтилъ въ 1928 г., чтобы приложиться къ мощамъ своего небеснаго покровителя, свят. Леонтия Ростовскаго, мощи котораго тогда хранились въ Іаковлевскомъ монастырѣ. Въ Недѣлю женъ муроносицъ того же года, о. Леонтій посѣтилъ Троице-Сергіеву пустынъ, находящуюся въ 19 верстахъ отъ Петрограда, гдѣ на протяженіи ряда лѣтъ настоятельствовалъ приснопоминаемый епископъ Игнатій (Брянчаниновъ). Кладбище пустыни было разграблено, склепы разорены, внутри ихъ

разбросаны кости усопшихъ — воры охотились за цинковыми гробами, братія была безсильна что-либо сдѣлать, сама со дня на день ожидая свое-го изгнанія. На 3-й недѣлѣ Великого поста 1928 г., о. Леонтій получилъ со-общеніе изъ Кieва отъ келейника схи-архіеп. Антонія, о. Михаила (Люби-мова), о томъ, что подъ Крестопоклонное воскресеніе, послѣ окончанія богослуженія всѣ насельники Китаевской пустыни, а также богомольцы ясно видѣли надъ монастыремъ большой крестъ, а въ серединѣ креста на-ходилась луна. Это видѣніе продолжалось около часу. Всѣ были въ боль-шомъ удивленіи и толковали это знаменіе, какъ предвѣщающее новыя тя-желыя испытанія.

За двѣ недѣли до Пасхи на подворье неожиданно появился епископъ Аркадій (Остальскій), который уже 2 года, какъ нелегально отбылъ изъ мѣста своей ссылки на Кавказѣ. О. Леонтій предоставилъ ему кровь и со-провождалъ его въ поѣздахъ по городу, но положеніе епископа Аркадія осложнялось тѣмъ, что по существовавшему законодательству не зарегис-трированный священнослужитель не могъ служить, если обѣ этомъ узна-вали, то власти разрывали договоръ съ общиной, гдѣ онъ служилъ, и пере-давали ея молитвенное помѣщеніе другой общинѣ, обычно обновленчес-кой. Но, къ удивленію всѣхъ, предсѣдателю общины удалось получить разрѣшеніе на служеніе на подворье «пріѣхавшаго въ гости» епископа срокомъ на двѣ недѣли. Въ пасхальную ночь «нашъ величественный храмъ», вмѣщавший около 2 тыс. человѣкъ, а также вся набережная были полны людей, такъ что пришлось о. Іустину служить и на улицѣ, т.к. въ храмъ нельзя было протиснуться изъ-за тѣсноты. Зажгли всѣ паникадила, свѣчи, и весь многочисленный сонмъ священнослужителей, облаченный въ пас-хальныя ризы, во главѣ съ владыкой Аркадіемъ, вышелъ съ пѣніемъ: «Вос-кresenie Твоє Христе Спасе» изъ алтаря; я, какъ иподіаконъ, стоявшій близко къ владыкѣ, видѣлъ, какъ по лицу его струились ручью слезы. И мнѣ понятно стало, что бываютъ въ жизни моменты, ради которыхъ не жаль и послѣдующей жизни, что бы ни ожидало его впереди, а ожидать добра было трудно, но въ тотъ благодатный часъ, онъ какъ возглавитель этого духовнаго пиршества былъ счастливъ, что хоть на этотъ мигъ онъ съ народомъ, такимъ же измученнымъ, какъ онъ, можетъ помолиться и про-славить воскресшаго изъ мертвыхъ Христа Жизнодавца»²⁸. Епископъ Ар-кадій рѣшилъ ѻхать въ Москву къ митроп. Сергію, чтобы просить того хо-датайствовать о немъ предъ властями о снятіи съ него судимости. Въ Москвѣ митроп. Сергій не совѣтовалъ ему заявлять о себѣ властямъ, но епископъ Аркадій, не зная за собой никакой предъ ними вины, явился на Лубянку для выясненія своего положенія, гдѣ былъ тотчасъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Митроп. Сергій назначилъ на мѣсто митроп. Іосифа, котораго власти не допускали въ Петроградъ, митроп. Серафима (Чичагова)^{28a}. Онъ при-быль на каѳедру въ началѣ 1928 г. «Передъ пріѣздомъ митроп. Серафима

въ Прощенное воскресенье въ Александро-Невской лаврѣ служилъ вечерю епископъ Григорій (Лебедевъ) (духовный сынъ архіеп. Феодора, по-движникъ и аскетъ, разстрѣлянъ 17 сент. 1937 г. — сост.), и въ концѣ вѣчерни обратился къ слушателямъ со словомъ. Слово было сказано въ приличномъ и иносказательномъ духѣ. Но, въ общемъ, владыка Григорій подчеркнулъ, что Церкви Русской угрожаетъ опасность какъ никогда, и что всѣ мы должны сплотиться возлѣ нея и не раздирать на части ея и такъ изорванныя ризы. Владыка очень волновался. И, по-видимому, что-то зная, не могъ все открыть народу, что было у него на душѣ. Но отчасти это стало понятнымъ, когда прибыль на петроградскую каѳедру митроп. Серафимъ. Черезъ нѣсколько дней по своему пріѣздѣ, митроп. Серафимъ взялъ своего викарія, епископа Григорія Шлиссельбургскаго, и поѣхалъ съ нимъ по его епархіи. Епископа Григорія, воспитанника архіеп. Феодора, митроп. Серафимъ хорошо зналъ по Даниловому монастырю, зналъ и его принципіальность, и посему онъ быть очень заинтересованъ, чтобы тотъ вмѣстѣ съ нимъ работалъ, что подняло бы престижъ самого митроп. Серафима. Въ поѣздкѣ они имѣли достаточно времени, чтобы обмѣняться взглядами на положеніе Церкви и возможность вести церковный корабль на выдвигаемыхъ большевиками условіяхъ. Здѣсь ихъ взгляды не сошлись, и владыка Григорій открыто заявилъ, что онъ при такомъ положеніи работать съ нимъ не можетъ и уходитъ на покой»²⁹. Впослѣдствії большевики приказали митроп. Серафиму добровольно отказаться отъ управліенія епархіей и подать прошеніе въ патріархію обѣ уходить на покой. Начальникъ петроградскаго ГПУ Макаровъ держалъ себя съ нимъ вызывающе и угрожалъ арестомъ. Митроп. Серафиму ничего не оставалось, какъ подчиниться. Управліеніе епархіей онъ передалъ архіеп. Алексію (Симанскому)³⁰. Во время ежовского террора, уже больной, митроп. Серафимъ былъ арестованъ и разстрѣлянъ подъ Москвой, возлѣ селенія Бутово.

Въ 1928 г. о. Леонтій былъ рукоположенъ въ Кіевъ архієпископомъ Василемъ (Богдашевскимъ) въ іеродіакона. Въ послушаніе о. Леонтия на по-дворьѣ входило пѣть на раннихъ литургіяхъ, а по воскреснымъ днямъ проповѣдывать.

Въ 1929 г., возвращаясь на лѣто въ Кіевъ, владыка посѣтилъ въ Москвѣ митроп. Сергія, помощникомъ котораго тогда состояль давній знакомый о. Леонтия, еще въ бытность того въ Даниловомъ монастырѣ послушникомъ Митея — архим. Сергій (Воскресенский), питомецъ архіеп. Феодора (Позднѣевскаго). Владыка Феодоръ умоляль Сергія вернуться въ монастырь, оставивъ душевредную работу въ канцеляріи митроп. Сергія, но тотъ не внялъ этимъ совѣтамъ³¹. Впослѣдствії онъ сталъ экзархомъ Прибалтики и при невыясненныхъ обстоятельствахъ былъ убитъ въ годы войны.

15/28 дек. 1929 г. православный Петроградъ хоронилъ архіеп. Иларіона

(Троицкого), скончавшагося отъ сыпного тифа на пути изъ Соловецкаго лагеря въ Туркестанскую ссылку, выдающагося русскаго церковнаго мыслителя-экклезиолога. Вопреки совѣтскимъ правиламъ не выдавать тѣла заключенныхъ, по усиленному ходатайству митроп. Серафима, тѣло его выдали для погребенія съ оговоркой — не открывать гробъ въ храмѣ и не произносить надгробныхъ рѣчей. «При полномъ молчаніи и скрытомъ плачѣ похоронили мы владыку Иларіона», — пишетъ владыка Леонтий въ своихъ воспоминаніяхъ.

Весной 1930 г. Богословскіе курсы закрыли безъ объясненія причинъ, однако, нѣкоторые преподаватели продолжали читать лекціи довѣреннымъ студентамъ и принимать зачеты.

Вскорѣ о. Леонтий вмѣстѣ съ настоятелемъ подворья вызвали въ ГПУ и предложили въ 3 дня покинуть Петроградъ. Произошло это, къ сожалѣнію, не безъ нѣкотораго участія митр. Серафима. Въ февралѣ 1932 г. прѣѣхала тюремная карета и увезла всѣхъ оставшихся на подворье иноновъ, а самъ храмъ былъ закрытъ 23 янв. 1935 г. (Въ 1991 г. зданіе Успенской церкви было передано Санктъ-Петербургской епархіи (МП) для размѣщенія въ немъ подворья Введенской Оптиной пустыни — сост.)³².

Когда въ 1930 г. о. Леонтий изъ Петрограда вернулся въ Киевъ, тотъ же владыка Василій рукоположилъ его въ Кіево-Братському монастырѣ въ іеромонахи. Владыка Леонтий его очень почиталъ и хотѣлъ принять посвященіе отъ его рукъ.

Въ октябрѣ 1930 г., по послушанію отъ своего духовнаго отца — схіархіепископа Антонія (видимо, съ этого времени онъ становится духовникомъ о. Леонтия, до этого имъ являлся о. Гермогенъ), о. Леонтий совершилъ путешествіе на его родину въ Тифлісъ³³, черезъ всю Россію — разоренный домъ Пресвятой Богородицы.

«Въ г. Тифлісъ я прїѣхаль вечеромъ, — пишетъ владыка въ своихъ "Воспоминаніяхъ", — и прямо съ письмомъ направился въ каѳедральный Сіонскій соборъ... Соборное духовенство было такъ напугано большевиками, что побоялись дать мнѣ пристанище у себя въ домѣ и устроили на ночлегъ въ самомъ храмѣ». Въ то время въ Грузіи не было не только ни одной дѣйствующей церкви, но и ни одного священника, исполнявшаго христіанскія требы. «Владыка Антоній тоже былъ арестованъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, но потомъ увидѣли, что онъ очень слабый и можетъ умереть, и его выпустили, и онъ тамъ жилъ на одномъ склонѣ въ маленькомъ домикѣ, простомъ-простомъ, и при немъ жилъ мірянинъ — будущій о. Дмитрій (Біакай), начальникъ Русской духовной міссіи въ Святой Землѣ, и двѣ монахини, м. Ксенія и м. Серафима, которыя присматривали за нимъ. Одна изъ нихъ работала въ госпиталѣ, а гдѣ другая — я не знаю. О. Дмитрій, кажется, работалъ на желѣзной дорогѣ, но точно я не знаю»^{33a}.

Такъ какъ изъ-за закрытія богословскихъ курсовъ въ Петербургѣ о. Леонтий не смогъ написать необходимую для присужденія званія кандида-

та богословія работу, то ему пришлось писать ее въ Кіевѣ. Надо сказать, что съ 1923 по 1924 г. до самого ея закрытія, владыка Леонтій состоялъ въ числѣ студентовъ — вольнослушателей Кіевской духовной академіи, гдѣ курсъ лекцій по исторії церковнаго богослуженія читалъ проф. М. Ска-баллановичъ.

Тема работы, по послушанію архіеп. Сергію (Гришину), была слѣдую-щая: «Житія святихъ, какъ матеріаль для христіанской апологетики». Пи-саль ее владыка профессорамъ Свѣтлову (который задалъ ему тему) и Гла-голеву; тамъ же онъ сдавалъ зачеты преподавателямъ бывшей Кіевской ду-ховной академіи. Архіеп. Сергій лично отвезъ работу въ Москву, въ патріархію. Митроп. Сергій послалъ ее изъ Москвы для отзыва митр. Ар-сенію (Стадницкому), находившемуся на полуссыльномъ положеніи въ Ташкентѣ, тутъ одобрилъ работу для присужденія искомой степени. Од-нако, правитель дѣлъ патріархіи, явившійся въ ней темной фигурой, прот. Александръ Лебедевъ сообщилъ ему, что если совѣтская власть узна-еть, что тотъ рецензировалъ работу, содержащую выпады противъ Л. Толстого и А. Луначарского, то у него могутъ быть непріятности. Послѣ этого разговора съ о. А. Лебедевымъ, митр. Арсеній отказался дать какой-либо отзывъ о работе о. Леонтія. Ему было предложено патріархіей напи-сать на любую «аполитичную» тему. Возмущенный поступкомъ А. Лебедева, прот. П. Свѣтловъ написалъ архіеп. Кіевскому Сергію письмо въ защищту работы о. Леонтія (см. приложеніе №1), которое архієпископъ по-слалъ въ Москву; также направилъ туда свое мнѣніе по этому вопросу схи-архіеп. Антоній, подчеркнувъ, что старое время не знаетъ прецедента, что-бы кандидатское сочиненіе студента, одобренное двумя замѣчательными учеными, могло не пройти, и что дѣло церковной власти только утвердить работу, что и требуется въ данномъ случаѣ. «Изъ создавшагося положенія митр. Сергій (Страгородскій) нашелъ такой выходъ. Прежде всего, онъ самъ взялся рецензировать мою работу и повернулъ дѣло въ совершенно обратную сторону въ смыслѣ критического разбора. Нашелъ, что я не вы-яснилъ всѣ, затронутые въ моемъ сочиненіи, вопросы, что въ немъ нема-ло отрицательной критики въ отношеніи агіологии, въ общемъ, моль, сво-бодомыслія, что не опасно для совѣтской власти. Въ конечномъ итогѣ, принимая во вниманіе столь компетентные отзывы, онъ находитъ воз-можнымъ утвердить меня въ степени кандидата богословія (см. прило-женіе №2)... Такъ патріархія вышла изъ этого неудобного положенія, на-бросивъ на меня совершенно неосновательно тѣнь вольномыслія въ по-данномъ мною сочиненіи, не упомянувъ моей критики сочиненій Л. Тол-стого и его разсказа "Отецъ Сергій", а также Луначарского и его безбожія. Не имѣя возможности за отсутствіемъ свободы печати все это опроверг-нуть, я долженъ былъ смириться, но все же высказалъ свое неудовольствіе по этому поводу экзарху Україны... Зато въ торжественной обстановкѣ, въ академическомъ храмѣ Кіево-Братскаго монастыря за мѣсяцъ до его

полного разоренія, архієпископъ Сергій, еще не отбывшій во Владимирѣ-на-Клязьмѣ, по порученію экзарха возложилъ на меня академической знан-чокъ» (34).

(Продолжение следуетъ)

Приложение №1

Письмо проф. прот. Свѣтлова архіеп. Сергію (Гришину)

Ваше Высокопреосвященство,

Черезъ Ваши руки прошло въ Москву дѣло о присужденіи степени кандидата богословія іеромонаху Леонтию за написанное имъ подъ моимъ отвѣтственнымъ руководствомъ сочиненіе «Житія святыхъ, какъ материаль для христіанской apologетики». Изъ достовѣрныхъ источниковъ до меня дошло свѣдѣніе, что присужденіе кандидатской степени іеромонаху Леоніту неожидано затормозилось. Я удивленъ и огорченъ ненужной капитуляціей свѣтла вѣры и богословскаго знанія въ лицѣ высокочтимаго Преосвященнѣйшаго рецензента передъ тѣмою въ образѣ постороннихъ богословской наукѣ лицъ, получающихъ возможность своимъ вмѣшательствомъ въ область, превышающую ихъ компетенцію, тормозить святое дѣло по научной борьбѣ съ тѣмою невѣрія и безбожія, и мѣшать исполненію требованія борьбы съ тѣмою во всеоружіи Божіемъ (Луки 11, 35, Кол. 1, 13, Ефес. 6, 11). Много сдѣлано у насъ темными силами для угашенія льна курящагося, — богословской науки и духовнаго просвѣщенія, по соображеніямъ охранительнымъ, но какъ разъ нѣть никакихъ основаній къ замедленію дѣла въ самомъ содержаніи и характерѣ содержанія. Сочиненіе не выходитъ изъ академическихъ рамокъ чисто научнаго обсужденія вопроса христіанской apologетики и не ставить себѣ никакихъ постороннихъ религіозно-богословской науки задачъ. Необходимо здѣсь еще принять во вниманіе то, что христіанская apologетика сверхъ отрицательно-полемической задачи своей — опроверженія возраженій невѣрія противъ вѣры, имѣть задачу положительного укрѣпленія вѣрующихъ въ вѣрѣ содѣйствиемъ разумному обоснованію вѣры и выработкѣ обязательной всегда въ истинномъ христіанствѣ разумной вѣры. Въ дни широкаго, эпидемического распространенія невѣрія христіанская apologетика является не столько оружіемъ противъ враждебнаго вѣрѣ безбожія, сколько средствомъ для предохраненія ею вѣрующихъ отъ заразы невѣрія и цѣлебнымъ лѣкарствомъ ....(неразборчиво) можетъ быть, оружіемъ, а является только лѣкарствомъ для внутренняго употребленія вѣрующихъ. Изъятіе изъ духовной аптеки пастырскаго душепопеченія о вѣрующихъ столь нужнаго лѣкарства или ограниченіе въ употребленіи его — недопустимо.

Я направляю свою рѣчь противъ неожиданного въ церковной средѣ

принципіального отрицанія апологетики вообще. Но отсутствіємъ духовной печати апологетика отрицается, совершенно погашается фактически и уподобляется лѣкарству, запертомъ въ аптечномъ шкапу. Тогда и въ та-комъ случаѣ — кому и чemu могло бы помѣшать сочиненіе о. Леонтия, какъ и все въ этомъ родѣ остающееся безъ употребленія, подъ спудомъ, и за-чѣмъ поднимать вокругъ него шумъ?

Поручая себя святительскимъ молитвамъ Вашимъ въ подкрѣплење силамъ моимъ, умаленнымъ долгими трудами и болѣзнями на службѣ бла-говѣстію Христову, въ надеждѣ лучшаго, стою усердный рабъ и слуга Хри-стовъ.

П.П. Свѣтловъ, 1934 г. I. X.

Приложеніе № 2

Указъ о присужденії степени кандидата богословія

Московская Патріархія. Замѣститель Патріаршаго Мѣстоблюстителя.
Канцелярія. 29 ноября 1934 г. Ном. 20147.

Москва 5, Бауманскій пер. ном. 6, кв. 1

Преосвященному Митрополиту Кіевскому Константину, Патріаршему экзарху Україны

УКАЗЪ

По дѣлу о соисканіі іеромонахомъ Леонтіемъ степени кандидата бого-словія за предоставленное сочиненіе «Житія святихъ, какъ матеріалъ для христіанской апологетики»...

Резолюція Его Блаженства, Блаженнѣйшаго Сергія, митрополита Мос-ковскаго, Замѣстителя Патріаршаго Мѣстоблюстителя, отъ 22 ноября 1934 г. послѣдовала таковая:

«Въ Священномъ Писаніи, безспорно, имѣются неисчислимые указанія и на бытіе Божіе, и на историческій фактъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, и на чудеса, и на явленіе Христа апостоламъ и другимъ вѣ-рующимъ, и на вѣру праведниковъ въ Бога, во Христа до мученичества и на прочее. Всѣ такія указанія служать, можно сказать, основоположитель-нымъ матеріаломъ, какъ православнаго богословія (догматики, ученіе о нравственности), такъ и для православнаго пастыря.

Но апологетъ (по крайней мѣрѣ, въ общепринятоѣ пониманіе этого слова, какъ защитникъ вѣры противъ нападковъ невѣрія), сославшись на текстъ Священнаго Писанія, едва ли можетъ считать свою задачу исполненной и невѣріе опровергнутымъ. Думается, что еще менѣе они убѣдять невѣрующаго. Тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ представленнаго сочиненія

въ заключительныхъ словахъ считаетъ «задачей будущаго» (замѣтимъ — только еще будущаго, значитъ, въ настоящемъ эта задача и нераэрѣшима) нашей православно-русской богословской науки, — «очистивъ агіографію отъ примѣсей апокрифически легендарныхъ». Эти и подобныя имъ мысли заставили поколебаться рѣшимость преосвященнаго митр. Арсенія Ташкентскаго, которому я поручилъ чтеніе сочиненія, а вслѣдъ за нимъ и мою — признать за сочиненіемъ научную цѣнность, соотвѣтствующую требованіямъ, предъявляемымъ къ кандидатской диссертaciї.

Однако, принимая во вниманіе отзывы столь компетентныхъ специалистовъ, продиктованныхъ, конечно, не только благожелательностью, но и научною совѣтостью, нахожу возможнымъ утвердить іеромонаха Леонтия въ степени кандидата богословія.

О чемъ канцелярія патріархіи имѣеть долгъ извѣстить Вась настоящимъ.

*Управляющій дѣлами Патріаршаго Священнаго Синодаprotoіерей А. Л.
За дѣлопроизводителя протодіаконъ К. Арбузовъ*

Примѣчанія

- 1) Епископъ Леонтий Парагвайскій, «Мой дневникъ», 1-я тетрадь, рукопись, селеніе Капитанъ Миранда, Парагвай, 1949 г. Встрѣчающееся не соотвѣтствующее дѣйствительности указаніе на рожденіе владыки въ 1907 г. было сдѣлано имъ изъ-за необходимости уменьшить свой возрастъ.
- 2) Тамъ же.
- 3) Тамъ же.
- 4) Тамъ же.
- 5) Тамъ же.
- 6) Тамъ же.
- 7) Тамъ же.
- 8) Тамъ же: «Удивительно хорошо (Митрополитъ Антоній) произносилъ проповѣди, но служилъ совершенно не музыкально, какъ обычно, не въ тонъ, не имѣя слуха».
- 9) Тамъ же.
- 10) Тамъ же.
- 11) Тамъ же.
- 12) Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ (Вознюкомъ), Великій постъ 1993 г.
- 13) Тамъ же: архим. Веніаминъ разсказываетъ объ этомъ такъ: онъ пріѣхалъ въ семинарію, куда его назначили инспекторомъ, и встрѣчается въ коридорѣ съ этимъ Джугашвили. Онъ спрашивается — кто такой, — а ему говорятъ, — такой-то, исключень за свое поведеніе (сцена исключенія И. Джугашвили архіеп. Антоніемъ отобразилась на картинѣ придворнаго художника Бродского).
- 14) Архіепископъ Леонтий «Воспоминанія» (1917-1944 гг.), машинопись, прибл. 1950-60 гг.
- 15) Тамъ же.

- 16) Тамъ же.
- 17) Тамъ же.
- 18) Тамъ же.
- 19) «Мой дневникъ», 1-я тетрадь: іерод. Гордій скончался мученической смертью. Онъ, по благословенію, опредѣлился сторожемъ къ Свято-Троицкой церкви и поселился въ пономаркѣ, гдѣ бытъ заколотъ св. копіемъ, когда шайка разбойниковъ взломала церковныя двери и стала грабить храмъ.
- 20) Тамъ же.
- 21) Архієпископъ Леонтій, «Воспоминанія».
- 21а) Епископъ Леонтій Парагвайскій, «Мой дневникъ», 3-я тетрадь, рукопись, с. Капитанъ Миранда, Парагвай, 1950 г., февр.
- 22) Тамъ же.
- 23) Епископъ Леонтій Парагвайскій, «Мой дневникъ», 3-я тетрадь: Н. Клюевъ бытъ усерднымъ прихожаниномъ Николаевскаго единовѣрческаго храма. Думаль о монашествѣ, если бы, по его словамъ, были условія на то. Онъ часто посѣщалъ о. Леонтия на подворье и подписалъ подаренный ему сборникъ стиховъ: «Земному ангелу въ день его небесного ангела».
- 24) Архієпископъ Леонтій, «Воспоминанія».
- 25) Тамъ же.
- 26) И. Андрушкевичъ, "In memoriam", «Наша страна», Буэнос-Айресъ, 4 іюля, 1972 г.
- 27) Епископъ Леонтій Парагвайскій, «Мой дневникъ», 3-я тетрадь.
- 27а) Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ (Вознюкомъ).
- 28) Тамъ же.
- 28 а) Тамъ же: «Въ этотъ періодъ времени, среди другихъ преосвященныхъ, жилъ въ Даниловомъ монастырѣ и митр. Серафимъ (Чичаговъ), котораго недавно освободили изъ заключенія но, по-видимому, по какой-то отъ власти имущихъ дого-ренности. Ибо архієп. Феодоръ (Позднѣевскій), узнавъ, что митроп. Серафимъ по-селился въ Даниловомъ монастырѣ, какъ мнѣ въ Даниловомъ повѣдалъ намѣстникъ Тихонъ, писаль, между прочимъ, слѣдующее: "Дѣдушка Серафимъ по-види-мому началъ портиться "».
- 29) Тамъ же.
- 30) Архієпископъ Леонтій, «Воспоминанія».
- 31) Епископъ Леонтій Парагвайскій, «Мой дневникъ», 3-я тетрадь.
- 32) С. Шульцъ мл., «Храмы Санктъ-Петербурга исторія и современность», «Гла-голь», СПб, 1994 г.

33) Въ статьѣ монаха Амвросія (Сиверса) «Истоки и связи Катакомбной Церкви въ Ленинградѣ и области» (машинопись СПб, 1993 г.) говорится, что схи-архіеп. Антоній (кн. Абашидзе) Таврическій «съ 1925 г. проживалъ въ Кіевѣ, окормляя грузинскую паству. Организаторъ Грузинской Катакомбной Церкви, ея первоіерархъ съ 1926-43 гг». Цитируется по машинописной статьѣ, безъ ук. автора: «Почему Серафимо-Геннадіевскую іерархію нельзя признать каноничной».

33а) Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ (Вознюкомъ).

34) Архієпископъ Леонтій «Воспоминанія».

